

•••••
• Марена: образ, культ, миф •
•••••

Влх. Богумил

КУЛЬТ МАРЕНА

Мифы о Марене

КНИГА 2



Издательство Велигор
Москва 2022

УДК 133.52+141+339

ББК 86.42

Б 74

Влх. Богумил

Б 74 КУЛЬТ МАРЕНЫ. Мифы о Марене. Серия «Марена: образ, культ, миф». Книга 2. – М.: ТД Велигор, 2022. – 426 с.: ил.

ISBN 978-5-91742-172-8

Наши предки чтили многих Богов и Богинь. Среди них особое место занимала Богиня Марена – владычица Смерти, хозяйка Зимы, Великая Пряха. Та, которую мы и сами знаем из сказок под именем Бабы Яги. Какой ее представляли, как и зачем почитали? Были ли у нее храмы и что ей приносили в жертву?

На страницах этой книги сделана попытка обобщить сведения из многочисленных фольклорно-этнографических источников.

Данное издание предназначено всем интересующимся традиционной духовной культурой славянских народов, дохристианской религией.

ООО «Торговый Дом Велигор»
г. Москва, м. Кожуховская,
ул. 6-я Кожуховская, дом 24, 1 этаж, офис №4
Тел: +7 (495) 784-06-61, +7 (985) 784-08-16.
E-mail: veligor97@gmail.com

Мы в социальных сетях:

Интернет-магазин – WWW.VELIGOR.RU

<https://vk.com/veligor97>



© Влх. Богумил – полные права, 2022

© Ракита (В. Бондаренко) – редактор, корректор, 2022

© Торговый Дом «Велигор», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Элементы культа	6
Культовые места	14
Изображения	46
Жречество	62
Жертвоприношения.....	74
Глава 2. Мифы о Богине.....	105
Смерть	109
Рождение Смерти.....	109
Смерть-кума (СУС 332).....	115
Смерть и лекарь-хитрец.....	119
Пойманная Смерть (СУС 330В, D*)	120
Смерть на дереве (СУС 330А).....	123
Обманутая Смерть (вариант СУС 330А)	125
Смерть и музыкант (вариант СУС 330В).....	126
Смерть и ряженые	128
Справедливая Смерть.....	128
Смерть и мать (СУС 332**)... ..	129
Смерть-Богоубийца.....	130
Смерть в крови (СУС 710)	132
Условия Смерти (формально близко к СУС 332).....	141
Напуганная Смерть (формально близко к СУС 1092).....	142
Яга.....	142
Мать змеев (СУС 300А)	142
Похитительница светил	146
Победительница демона (СУС 2028).....	147
Яга-воительница (не выделен в СУС как отдельный сюжет)	149
Жезл Яги / «Замерзшая Яга» (СУС 303)	151
Яга-помощница / советчица (СУС 313, 315А, 551, 884В*)	157

Пропавшие супруги (СУС 400А, 400В*, 425А, 432, 433В)	159
Дочери Яги (СУС 327В, 328).....	167
Подменная жена (СУС 403А, В)	170
Кобылицы Яги (СУС 554).....	174
Одноглазая Яга (СУС 1137).....	177
Яга и скоморох (СУС 1159; ср. сюжет «Смерть и музыкант»).....	177
Яга истязаящая (СУС 301).....	179
Злая советчица (СУС 465А)	181
Яга испытывающая (СУС 403А*, 480 с вариантами, 513А).....	182
Яга-людоедка / похитительница (СУС 327А, С).....	187
Хранительница колодца (СУС 519).....	200
Трудные задачи / благодарные животные (СУС 554)	202
Эпизоды	203
Пряха.....	208
Пряха-помощница (СУС 501).....	209
Карающая пряха.....	212
Чума (Холера, Оспа).....	226
Рождение Чумы	226
Увечье Чумы.....	228
Болезнь (Смерть) на цепи.....	229
Чума на возу.....	234
Зима.....	234
Женщина-в-белом (черном).....	243
Маринка / Марья Лебедь белая	252
Потык и Марья	253
Добрыня и Маринка.....	274
Маринка и Стенька.....	284
Марья Моревна (СУС 400).....	285
Марина-русалка	292

Глава 3. Бытие Богини	298
Жилище.....	299
Не-пища	313
Род занятий	318
Явление Богини	329
Таинство смерти.....	343
Семья	357
Оберег	362
Пляска Смерти.....	367
Список использованной литературы.....	372
Список принятых сокращений.....	417

ГЛАВА I

ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТА

«Лиш одна правда є на світі – смерть, другої нима»

(ГС, С. 567)

Наличие развитого культа предполагает следующие черты: институт жречества; посвященные Богине храмы и / или участки (культовые места); изображения Богини; гимны, обряды (жертвоприношения) и праздники в Ее честь; связанные с Мареной мифы (этот аспект культа рассматривается в следующей главе). Обычно все эти составляющие в той или иной степени присутствуют в культе, будучи разбавленными массой дополнительных деталей (теофорные имена, фетиши, религиозная символика и т.д.), степень разработанности которых произвольно варьируется. Исходя из этого, попробуем проанализировать, насколько поклонение Марене представляло собой сложившуюся систему, носило ли оно характер культа или же было лишь набором разрозненных верований. Какими бы ни оказались выводы, предпочтительнее говорить именно об элементах, в силу нейтральности термина, выигрывающего перед прочими. В нем нет претенциозности одного лишь слова «культ», вызывающего ассоциации с современными церковными организациями, каменными храмами и вездесущими лицами в нестиранных рясах. Нет в нем и расплывчатости понятия «пережитки культа», оставляющего впечатление какой-то слабой развитости или незначительности рассматриваемой традиции, раз уж от нее почти ничего не осталось. В попытке избежать таких однобоких подходов мы и остановимся на понятии «элементы», как наборе частей, из которых культ конструируется.

Итак, начнем с логики от противного. Первые упоминания о Марене обнаруживаются с середины XII в., если принимать во внимание сведения новгородских берестяных грамот, или же в XV в. – в сообщении Я. Длугоша. Одним словом, не густо. Летописи, худо-бедно говоря о других Богах, упоминают их хотя бы по именам, но в случае с Мареной нет и этого. Мы уже разбирали данный вопрос (в первой книге), основные выводы из которого таковы: имя Богини относится к эпохе индоевропейской общности; существование в народной культуре западных и восточных славян обычая (имеющего аналогии в традиции народов Европы и индуистов) уничтожения чучела Смерти / Зимы невозможно объяснить иначе как его древнейшим происхождением, несмотря на позднюю фиксацию письменными источниками. Таким образом, вопрос о незнании ими имени Марены, а равно как и чего-либо из связанного с Ней культа, снимается. Причины для глухого молчания источников могли быть самыми разными, что для решения нашей задачи не является сколь-либо критичным. Тут уместны аналогии: буквально нескольких, случайным образом отобранных летописцем или обличителем языка имен Божеств славянского пантеона вполне хватает исследователям, чтобы говорить об их культуре. Но если бы волей случая и этих крупниц мы оказались бы лишены – рукописи оказались бы утрачены в ходе бурной истории нашей страны или из-за отсутствия даже маломальского интереса летописца к подобной теме – тогда что? Стали бы говорить, что славяне-язычники – единственный народ Европы, который не имел о Богах ни малейшего представления? Абсурд. Более того, даже зная о Свароге, Дажьбоге или Стрибоге, *что* по делу может сказать о них современная наука в свете неудовлетворительнейшего состояния источников? Что мы знаем о связанном с ними культуре? Практически ничего. Какие мифы связаны с Хорсом? Мы не знаем этого и можем только гадать, анализируя сказки и скудные сообщения летописи. Как в народном православии отразился Стрибог? Никак, судя по всему, исчез бесследно, только и осталось, что следы в заговорах и сказках, где встречается, к примеру, словац.

Vietor král' (Wollman 2, № 210). То есть, не имей мы этих имен в летописях, прочие источники – этнография, археология, фольклор – нам бы вообще ничем не помогли, и мы никогда не узнали бы об их существовании в пантеоне наших предков. Да, осталась бы еще топонимия, но этих данных недостаточно вообще ни для чего, кроме сумбурных догадок о том, что в тех или иных названиях деревень, урочищ, гор нашли отражения имена языческих Божеств. Чтобы ситуация стала еще ясней, можно обратиться к греческим реалиям. Благодаря дошедшим произведениям греческой многожанровой литературы о религии древних греков известно более чем достаточно. Археология постоянно обнаруживает все новые образцы античного религиозного искусства. Но взглянем на современную Грецию: в ее топонимике почти нет следов упоминания имен древних Богов, все поглотили христианские именованья. Что же до греческой этнографии, то здесь вообще беда – практически никаких следов Зевса, Афины или Гермеса. Стерто. Языческие по происхождению обряды в наличии, архаичные мотивы в преданиях и сказках – представлены, а вот пережитков пантеона, сниженных до христианских святых Богов и героев – единицы, почти ноль. Может сложиться ложное впечатление... Отсюда и вопрос: насколько в таком случае можно использовать этнографические данные при решении вопроса о языческих культурах? Думаю, ответ очевиден каждому, равно как ясна и пропасть, лежащая между античными культурами и тем, что от них сохранила народная память спустя тысячу с лишним лет. При этом надо отметить – образ Марены как раз забвение пережил куда как неплохо, в отличие от Стрибога или Хорса. В сказках и быличках Она – Яга и Смерть, в былинах – колдунья Маринка Лиховидьевна, в заговорах – железная баба и «сатанина угодница», Марья Гоготунья, «Марына з вэлікого рына», та же Яга, в зимнем ряжении – Луция и Перхта, в виде обрядового чучела – Маржана-Смртка и Марина, в этнографии – не счесть Ее форм, начиная с Чумы и полудницы и заканчивая двоеверческими Пятницей и Богородицей Марией. Это широчайшее отражение образа Марены – лучшее доказательство

того, что данное Божество было прекрасно известно славянам на уровне культа. Более того, никто из других Божеств славянского пантеона, мифы и культ которых сохранил фольклор (Велес-Никола, Перун-Илья, Сварог-Кузьмодемьян), никогда не описывается столь подробно по внешности и атрибутике, что говорит само за себя.

Далее. Марене соответствуют индийская Дурга, греческая Геката, литовская Гильтине, ирландская Морриган – все Богини, почитаемые в народе, со своими сложившимися культурами. Так что в этом случае есть вероятность, что Марену почитали на должном Ее статусу уровне. Поклонение Темным Богиням, что в Греции, что в Индии, по сравнению с культурами других Божеств, не было столь общественно-массовым (домашнее поклонение Гекате и Кали – другой аспект вопроса) и определенно уступало им, что хорошо видно на примере Гекаты. Это до известной степени тайные, закрытые культы, храмы которых немногочисленны, а писания считаются запретными для чтения непосвященными. Как итог, о культе Гекаты, несмотря на прекрасно сохранившееся античное литературное наследие, известно весьма немного. Что же до культа Кали-Дурги, то нынешняя известность его кажущаяся – еще до недавнего времени европейцы в отношении его питались лишь пугающими слухами, и на книжный прилавок переводы (земной поклон подвижникам!) ранее недоступных даже жителям Индии текстов, представляющих традицию поклонения Богини Смерти, хлынули лишь в самое недавнее время¹. Так что говорить о Марене, культ которой вместе со всей языческой культурой славян начали уничтожать еще тысячу лет назад? Не имевший государ-

¹ Впрочем, это утверждение нуждается в корреляции. Праздник Дурги – Наваратри, в Индии отмечается массово, а Ее культ мог подниматься до государственного. Царь Ориссы Анаграбхима III в надписи 1216 г. «называет себя наместником и сыном трех богов: Пурушоттамы, Рудры и богини Дурги /.../ которой поклонялись правители Ориссы из рода Бхаума-Кара (VII–X вв.)» (ДИ, С. 375–376). Ср. одно из имен Кали: «Наделяющая-царской-властью» (Чондимонгол 2.286).

ственного значения культ, державшийся окраин (?) и отправлявшийся не массово, а скорее укромно, если не сказать тайно, с соблюдением ограничений, предъявляемых участникам. Много ли о нем будет известно спустя десять веков после тотального запрета язычества вообще и при нарочито достигнутом информационном вакууме?

Разумеется, все это не более чем умозаключения, исходящие из предпосылки: отсутствие сведений о чем-либо может быть вызвано не отсутствием предмета, а плохой информированностью о нем. Теперь разберем фактическую сторону вопроса, благо факты имеются не только косвенные.

Для вопроса о существовании культа Марены, пусть даже самого незамысловатого, важен статус Смерти, ибо культ может быть связан лишь с сущностью высшего порядка, и прежде всего с Богами. Позднейшие данные этнографического характера в этом плане дают незначительные зацепки, глубокий подтекст которых можно обнаружить только при внимательном изучении. На (около)божественный статус Смерти указывает Ее явственная сопричастность миру сакрального и именно в благой его форме: «*Што ниже Бога, а выше Царя?*» = Смерть (Зырянов 1859, С. 130), чеш. *šakje to boží poselkyňa* «(Смерть) это божья посланница» (Navrátilová, s. 172). Тут надо, безусловно, делать скидку на позднейший характер подобных записей и на то, что языческий миф в итоге прошел сквозь кривое зеркало христианской традиции. В условиях воцарившегося монотеизма Смерть, сколь бы великой силой Ее по-прежнему ни признавали, не могла быть поставлена на одну доску с христианским Богом-отцом. Но, как видим, на него Ее равняли... Куда большей убедительностью относительно божественного статуса Марены обладают уже приводившиеся ранее сведения западнославянских авторов. Ян Длугош (XV в.): «Диана на их языке звалась Дзевана, а Церера – Маржана (Marzyana)», Кромер: «Народы славянские славили Цереру, называя ее Мажаной (Marzana)» (Marzanki, s. 93). Сравнить с Богиней можно только Богиню.

Еще одним свидетельством культовой практики поклонения Марене можно считать табуированные обращения к Смерти. Это известный в традиции способ обойти нежелательные последствия, которые может вызвать упоминание Ее по имени (что выглядит как Ее призыв). К нему прибегают, когда о Смерти упомянуть нужно так, чтобы собеседник тебя понял, но при этом страшного имени не прозвучало. «Зубастая», «худая», «та-что-с-косой», – как только ни называют Марену, обходя собственное Ее имя. Табуирование породило и другое решение вопроса о том, как именовать Смерть, обходясь без запретного имени: «Человеческим именем (обычно в уменьшит. форме) нередко называют персонифицированную смерть: Baška, Jadwisia, Jagusia, Kaška, Zoška» (Санникова, С. 54; Mátuás, s. 98) – «Как ноги холодеют, это уж «Баська» (Baška) приходит» (Mátuás, s. 113)¹. Как вариант – к основному имени «подступались» с оглядкой: «Умилостивительные имена характерны и для западнославянской традиции: чешск. *hrasná Mařeno* («прекрасная Маржена»), *má milá Mařeno* («моя милая Маржена»)» (Журавлев 2005, С. 278).

На наш взгляд, подобные уменьшительно-ласкательные формы упоминаний Смерти (в частности, обыгрывающих идею родства) и в целом ласковые к Ней обращения («умилостивительные имена», по выражению А.Ф. Журавлева), сочетающиеся, как мы увидим далее, с подношением Ей пищевых даров, указывают на почет, полагающийся Богине в рамках культовой практики. Аника-Воин «Смерть матерью родною называет: // «Ты гордая мать сотворённа, // От Господа Бога попущена!» (Киреевский, С. 133), «Ох ты, матушка ты моя, Смерть! // Дай ты мне пожити хоть на годочек» (Киреевский, С. 118), перепуганный Ирод обращается к ней: «Ох, смерть, мая маці» (НарТ,

¹ Имя «Зоська», возможно, обыгрывает польское *zasić* «скосить траву» – Смерть в качестве одного из основных своих атрибутов использует косу, собирая урожай из человеческих голов. «Баська», предположительно, имеет связь с люблинским диалектным (арго?) *baška* «темница, тюрьма» (Karłowicz 1, s. 55).

С. 301). Герой обращается к Яге с просьбой: «*Матушка Баба Яга, дай ты мне беляровой муки*» (РСС, № 3). Царь Максемьян молит: «*Смерть ты моя прекрасная!*» (Гордиенко, С. 23), в «Повести о прении живота и смерти» звучит аналогичная молитва: «*Госпожа моя смерть, пощади еще, отврати гнев свой*» (Дмитриева 1964, С. 190), духовные стихи и прозаические тексты многократно именуют Смерть на ласковый манер: блр. *смертуленька* (ТС 5, С. 61), герой белорусской сказке вежливо обращается к своей куме – «*Смертынька*», «*смертухна-матухна*» (Добровольский 1, С. 316; Добровольский СОС, С. 848, 849), пол. *ciotka Śmierc* (тетушка Смерть), *kuma Śmierc* (Profantová, s. 112), чеш., словац. *Smrtka* («Смертушка»), *kmotra Smrt'* (кума Смерть), *tetka Smrt'* (тетушка Смерть) (СД 5, С. 63), чеш. *Mila Smrti*, рус. *смерточка*, *смертонька*, *смертушка*, укр. *Божа смерть* (Седакова 1990, С. 56), «*смерточка*», «*смерточка милостива*», «*смерть Божа*», «*смерть святая*», «*смерть любя*» (Гузий, С. 142).

Также обходительно зовут и Хвори: «Уже в номинации болезни выражено желание заручиться благорасположением демона. Недуг называют ласковыми именами (серб. *добрица*, рус. *оспица*, болг. *шарчинка*), именами собственными (рус. *Афанасьевна*, *Марья Иродовна* «лихорадка», *Воспа Восповна* «оспа»). С этой же целью используют оценочные эпитеты, характерные для этой терминологической системы вокативы (болг. *сладки медени*, *благ*, *живи-здрави* – названия всех опасных болезней типа оспы, чумы, холеры), термины родства (рус. *сестрица*, *тетя*, *кума* «лихорадка», болг. *леля* «чума», *баба Шарка* «оспа», «корь»), почтительно-возвеличивающие названия (рус. *князь*, *барин*, чеш. *rapěk*, серб. *богине*). Подобные названия употреблялись и в тех случаях, когда нельзя было произносить настоящее имя болезни (во время эпидемий, при детских болезнях)» (Усачева 2000а, С. 61; Усачева 2008а, С. 268). Небольшая подборка таких именованний: рус. «*оспица-матушка*» (Куликовский, С. 412; Кагаров, С. 26), «*сударыня-восьпица*» (Власова 2001, С. 382), корь называют «*царевичной*» (Шайжин, С. 215), в заговорах сибирскую язву зовут «*красная девица*» (РКОФ, С. 452),

серб. *Бела-црвена* (Усачева 2008, С. 300), лихорадка – «*матухна*» (Юдин 2001, С. 172), костр., ярсл. «*кума*», вят., енис., томск., тобольск., тюмен. «*кумушка*» (СРНГ 16, С. 78, 87 – что любопытным образом перекликается со сказками на сюжет «Смерть-кума»), болгары называют Оспу (Шарку): «*баба Шарка*» (бабушка Оспа), «*леличка*» (тетушка), «*гостенка*», «*госка*» (гостья), «*блага и медена*» (благая и медовая) (Троева-Григорова, С. 182), «*Баба Писанка*», «*Радушка*», «*богиня*», «*сестричка*», «*китка*» (букет), «*цвете*» (цветок), «*сладка и медена*» (Попов 2002а, С. 81), Ср.: якуты называют корь «*бабушкой*», а во время эпидемии избегали произносить слово «*буоспа*» (искаженное русское «оспа»), предпочитая называть хворь «*тетушкой*» или «*кумушкой*» (Гурвич, С. 251, 254). В посвященных Богине обрядовых песнях звучит: «*Дорогая наша гостья масленица*» (ООФ, С. 224), «*сударыня Масленица*», «*свет наша масленица*» (Журавлев 2005, С. 288), в заговоре: «*Государыня Яго-баба, послужи же ты мне*» (ОЧР, С. 119). Литовцы свое масленичное чучело Море именовали не менее почтительно: *Globėja* «Покровительница», *Motinėlė* «Матушка», *Voba-Motinėlė* «Баба-матушка» (Лауринкене 2011, С. 161).

Особое уважение кроется в наделении Хворей отчествами, что еще не так давно считалось привилегией знати: «*Воспа Воспиновна*» (Макаренко, С. 62), «*Воспинка Ивановна*» (Юдин 2001, С. 170), «*блаженная гостюшка, Оспа Ивановна*» (Кофырин 117, С. 2), корь – «*Царевна Васильевна*» (Шайжин, С. 215), заговор от лихорадки: «*Избавь раба Божия N /.../ от Марьи Иродовны и от всех 12 девиц-трясавиц*» (Зеленин ОР, С. 1229), почитают «*Марью Ивановну желанную*» (Кагаров, С. 26). Такие обращения могут восходить к типичным в рамках культовой практики ритуальным формулировкам и подпитываться ими. Всё это славянские версии эпитетов и прозвищ, которыми наделяют Богиню в родственных традициях. Геката: «*Нежная духом Геката*», «*мать Богов, многославная /.../ Геката преддверная, мощная силой*», «*всезрящая богиня Геката*» (АГ, С. 97, 277, 278); Кали (Дэви): «*Вечно-юная*», «*Эту-жизнь-и-следующую-дарующая*»,

«Прекрасная» (ДБП. XII.6.11, 6.26, 6.29) и т.д. Разве что распространение подобной «терминологии» применительно к Марене происходило, почти наверняка, без какой-либо специальной литературы и даже особой литургики, но, скорее всего, примерно так, как в прицерковной среде среди религиозных женщин распространяются свои собственные, независимые от церковного мнения, апокрифического толка рассказы о чудесах, совершаемых тем или иным святым в наше время, о святых местах, неизвестных церковникам, о методах контакта с умершими и способах задабривания святых... Народная традиция изустна и жива тем, что постоянно трансформируется при бесчисленных пересказах...

КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА

Культ немислим без культовых мест – локусов, где поклонники могут собираться для совершения общественных или частного характера молений, обращенных к почитаемому Божеству. Места эти могут быть рукотворными (храмы¹) или природными (святые камни, горы, ручьи и деревья). Связь культового места и Божества устанавливается какой-либо местной легендой, обычно не имеющей широкого распространения и оказывающейся, таким образом, «своим мифом», сакральным текстом, претендующим на некие особые отношения Божества

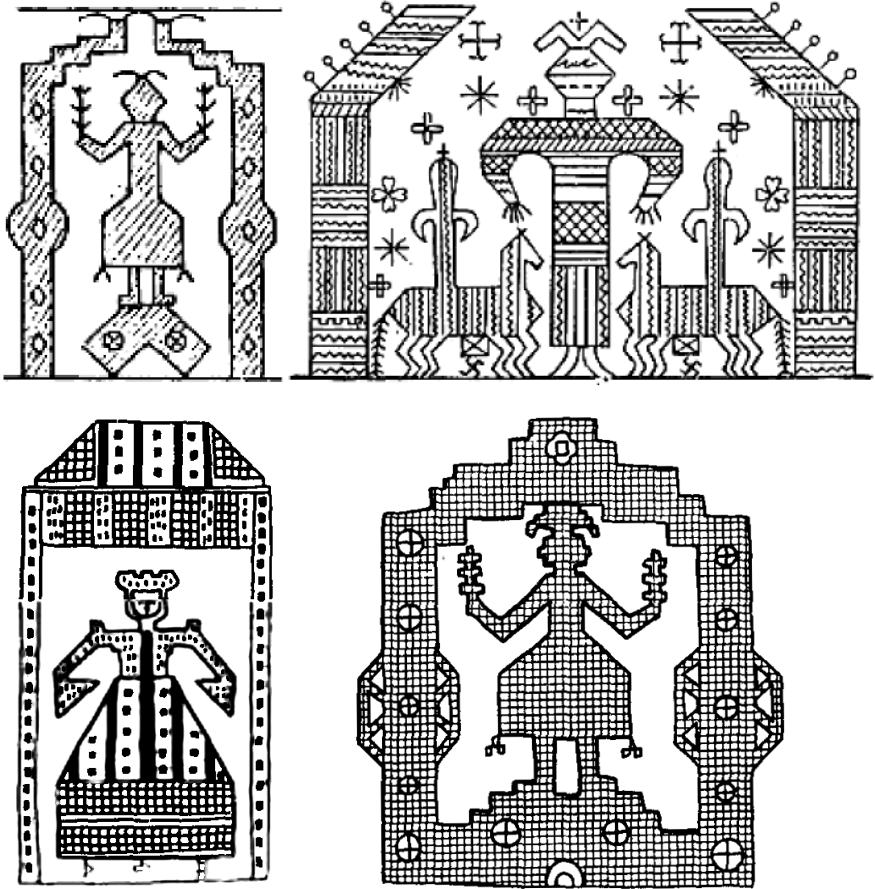
¹ Мы не будем дискутировать на тему, были ли у славян-язычников храмы. Ответ на этот вопрос можно найти в следующих работах: Шенников А.А. О языческих храмах у восточных славян // Язычество восточных славян. Сб. научных трудов. – Л., 1990; Динцес Л.А. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства // Советская этнография, № 2, 1947; Денисова И.М. Образ древнеславянского храма в русском народном искусстве // Этнографическое обозрение, № 5, 1992; Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. – М., 1993; ЯДС, С. 486-501. Выскажу лишь одно мнение: почему не быть храмам у славян, в то время как они есть у кафи́ров (Йеттмар, С. 120, 127, 130, 157), живущих в условиях дефицита древесины, или, скажем, у поволжских народов (Верещагин 1889, С. 80; Бауло, С. 23), до государства так и не доросших.

и людей, живущих вблизи священного места (где Божество явилось людям, оставило свой знак или даже «родилось»): «Святая мученица Праскавея явилася кола этый часовни (точнее, святого колодца)» (НТКП 1, С. 626). Богиня Смерти в разных своих формах почиталась народами индоевропейского корня – как в храмах, так и в «диких условиях», на природе. У римлян, к примеру, имелся храм Лихорадки: «Потому-то римский народ посвятил Лихорадке храм на Палатине» (Плиний Младший. Естественная история. II.16), «не будь тут Лихорадки, которая, покинув свой храм...» (Апофеоз Божественного Клавдия. 6). Шатапатха-брахмана (VII.2.1.5, X.4.3.23) упоминает сложенный из трех кирпичей алтарь Ниррити-Гибели, а что до Кали, то ее храмы до сих процветают.

Можем ли мы утверждать что-нибудь подобное о Марене? Логично допускать, разумеется, что места поклонения Ей существовали, раз уж они были в родственных традициях. Однако только логики здесь мало...

Б.А. Рыбаков считает ритуальное сооружение (11 на 14 м), обнаруженное недалеко от Житомира (п. Шумск) на берегу р. Гнилопять, местом, где древляне приносили в жертву животных и, предположительно, людей¹. По мнению исследователя, оно выполнено так, чтобы напоминать женскую фигуру, в связи с чем Рыбаков недвусмысленно называет ее «Древлянской «Мореной»» (ЯДР, С. 213, 219). Святилище было «одноразовым» и датируется IX в. Идея понятна – кровожадная Богиня Смерти могла, по представлению исследователя, насыщаться кровью закланых в Ее честь жертв. Комментировать не берусь, просто учтем и это мнение.

¹ «Внутри чучела сожжены: бык, птица и многое неопознаваемое другое. Были ли сожжены люди, мы утверждать не можем, но вещи людей в кострище были (посуда, ножи, пряслица). Человеческие кости в могильнике рядом с чучелом, охраняемые погребальной урной, сохранились в ничтожных остатках («мелкие пережженные косточки»); здесь, в мощном кострище площадью в 15 м, где отложилось около 10 кубометров золы и углей, такие косточки могли и вовсе не сохраниться» (ЯДР, С. 217).



Предполагаемые изображения языческих храмов,
посвященных Богиням, в русской вышивке (Русский Север)

Согласно П.М. Шпилевскому, богине Мажане было посвящено капище в Кобринском предместье (БМ, С. 299). Однако, зная склонность данного автора к мистификациям, вскрытую не так давно А. Топорковым, этим данным трудно доверять. Возможно, здесь же и подоплека упоминания капища Яги М.И. Без-Корниловичем в книге «Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии с присовокуплением и других